

Цзысан Яньшу слегка дрогнул взглядом, словно тронутый чем-то, но быстро спрятал все свои эмоции.

Смешно, когда он стал таким сентиментальным? Он давно уже не должен был ничего чувствовать.

Покачав головой, он отбросил эти ненужные мысли и с лёгкой усмешкой произнёс:

— В конце концов, пусть они боятся, это не так уж плохо. По крайней мере, никто не будет докучать мне. Боги избегают меня, почему же молодой господин так мне доверяет?

— Это...

Е Цзюньчэ намеренно протянул слова, обогнул Цзысан Яньшу и остановился перед ним, пристально глядя на него. Его голос звучал серьёзно:

— Наверное, потому что Яньшу действительно красив. Взглянув на тебя, невозможно не проникнуться симпатией. Видя тебя, я чувствую радость, и для этого не нужно никаких причин.

Е Цзюньчэ не лгал. Цзысан Яньшу действительно был красив, той красотой, которую невозможно забыть. Особенно родинка под его фениксовыми глазами добавляла холодному лицу нотку соблазнительной притягательности, что трогало душу.

Сердце Цзысан Яньшу вдруг забилось быстрее. Он поспешно отвёл взгляд и, слегка кашлянув, попытался скрыть своё смятение:

— Где это молодой господин научился так льстить? Если я не ошибаюсь, настоятель и старцы горы Линмин — старые консерваторы, они вряд ли могли научить тебя такому красноречию.

Он сделал шаг назад, но Е Цзюньчэ шагнул вперёд и продолжил:

— А ты не думал, что, увидев тебя, я просто не могу сдержаться?

Цзысан Яньшу...

Теперь он не хотел слушать его сладкие речи. Цзысан Яньшу сел на перила, тихо слушая, как капли дождя стучат по крыше. Каждая капля приносила спокойствие и умиротворение.

Дождливые дни всегда навевают лень. Мягкий свет, едва пробивающийся сквозь облака, падал на Цзысан Яньшу.

Спиртное начало действовать, и его клонило в сон. Прислонившись к перилам, он задумался. Длинные ресницы мягко трепетали, и в его глазах можно было увидеть покой и гармонию,

скрытые в глубине души.

Он сам по себе был как уникальная картина, не нуждающаяся в том, чтобы вписываться в чей-то сюжет.

Е Цзюньчэ тихо подошёл и сел рядом. Почувствовав его приближение, Цзысан Яньшу привычно повернул голову и снова стал слушать стук дождя.

Заметив, что он немного отвлёкся, Е Цзюньчэ снова взял в руки прядь его волос, свисающую на плечо, и с улыбкой сказал:

— На жертвеннике ты называл меня Ачэ так ласково, почему теперь снова зовёшь меня молодым господином?

Он слегка тронул его плечо, с надеждой подталкивая:

— Яньшу, назови меня Ачэ ещё раз, хорошо?

Казалось, Цзысан Яньшу привык к его действиям и к тому, как он играет с его волосами. Он мягко повернулся и смотрел, как Е Цзюньчэ обвивает его прядь вокруг пальца.

Может быть, из-за опьянения, а может, из-за того, что эта картина напомнила ему прошлое, в его сознании невольно всплыли воспоминания. Тогда его волосы тоже часто обвивались вокруг чьих-то пальцев.

Волосы, обвивающие пальцы, словно шёлк.

Вспоминая прошлое, взгляд Цзысан Яньшу становился всё более затуманенным. Он мягко улыбнулся и действительно произнёс нежно:

— Ачэ...

Его глаза, затуманенные опьянением, смотрели то ли на человека перед ним, то ли куда-то вдаль. Этот взгляд заставил сердце Е Цзюньчэ забиться сильнее. Видя его щёки, покрасневшие от спиртного, и слыша этот нежный зов, Е Цзюньчэ почувствовал, как его мысли начинают путаться.

Это было не подстрекательство, а настоящая пытка для самого себя.

Внезапно Е Цзюньчэ наклонился вперёд, прижав его к столбу перил. Лёгкий аромат благовония Шаоцин, смешанный с запахом спиртного, витал в воздухе. Он мягко положил руку на его рёбра.

Сквозь тонкую ткань одежды Цзысан Яньшу мог легко почувствовать жар ладони Е Цзюньчэ. Кровь дракона была холодной, и его тело тоже было ледяным, отчего тепло руки Е Цзюньчэ казалось ещё более жгучим.

— Ачэ, что ты делаешь?

Его полузакрытые глаза были затуманены, а голос звучал лениво из-за опьянения. Е Цзюньчэ не мог понять, кто из них был пьян — он или Цзысан Яньшу.

Место, к которому он прикоснулся, было тем самым, где Цзысан Яньшу ударил себя курильницей и где он отрезал свою кость. Тогда было очень больно, очень больно. Теперь же он чувствовал лишь тепло, исходящее от руки Е Цзюньчэ.

Когда его рука коснулась холодного тела, Е Цзюньчэ почувствовал себя подлым. Его переполняли чувства вины и жалости. Он тихо прошептал ему на ухо:

— Зачем тебе нужно было использовать свою драконью кость? Ты ведь убивал драконов, мог использовать их кости.

Слегка пьяный Цзысан Яньшу стал более послушным. Раз Е Цзюньчэ спросил, он спокойно ответил:

— Потому что губительная ци на принце была нанесена моей печатью. Только моя драконья кость может её нейтрализовать. Настоящий принц умер ещё при рождении, а этот — лишь тело, в котором остался принц Южного моря из клана Драконов.

— Почему ты не сказал мне правду тогда? Если бы я знал, что это твоя кость, я бы никогда не позволил тебе её отрезать.

Жизнь принца была важна, но жизнь Цзысан Яньшу тоже была важна. Не было смысла ранить одного, чтобы спасти другого.

Но Цзысан Яньшу лишь прищурился и не ответил. Его затуманенные глаза, полные влаги, вызывали щемящее чувство в груди. Лишь через некоторое время он тихо произнёс:

— Всё прошло, рана зажила.

Его голос, мягкий и ленивый, как у кошки, словно успокаивал. Е Цзюньчэ не мог устоять, но всё же с упрямством и настойчивостью произнёс:

— Отрезать кость было больно, и выпускать кровь тоже было больно. Яньшу, обещай мне, что впредь ты больше не будешь причинять себе вреда, понял?

Неизвестно, действительно ли он услышал или просто был слишком пьян, но Цзысан Яньшу тихо крикнул в ответ и, опираясь на руку Е Цзюньчэ, прикрыл глаза.

И так, он просто уснул...

Видимо, опьянение взяло своё. Е Цзюньчэ взглянул на кувшин с вином, стоящий рядом. Он выпил всего полкувшина, и уже был в таком состоянии. Видимо, Король Драконов действительно не мог похвастаться крепким здоровьем.

Глядя на уснувшего Короля Драконов, который в спящем состоянии казался таким спокойным и беззаботным, Е Цзюньчэ почувствовал, как сердце его сжалось. Спал он всё же осторожно и напряжённо, что вызывало жалость. Е Цзюньчэ аккуратно поднял его и отнёс в дом.

Проливной дождь смягчил бедствие в городе И. Е Вэньюй и Чжоу И, закончив расселение всех пострадавших, должны были вернуться в столицу Ли для отчёта. Е Цзюньчэ и Цзысан Яньшу также должны были вернуться вместе с ними.

Вернувшись в столицу Ли, Цзысан Яньшу открыл дверь в Гуйсюнь. Внутри было тихо, ни звука, ни одной кроличьей лапки, которая бы радостно бросилась к нему.

Он всегда говорил, что любит тишину. Двести лет он жаловался, что Мяомяо слишком шумная, но за эти двести лет он незаметно привык к тому, что рядом с ним всегда был этот кролик. Как бы он ни ругал его за шум, он всегда был рядом.

Теперь, вернувшись в эту лавку, где больше не было шумного кролика, он чувствовал себя немного неуютно.

Цзысан Яньшу подошёл к столу и начал расставлять шахматные фигуры, собираясь играть в одиночестве. Но тишина вокруг не давала ему сосредоточиться.

Настоящее спокойствие заключается не в тишине вокруг, а в том, чтобы душа нашла своё место.

Когда он начал нервничать, дверь лавки Гуйсюнь открылась, и кто-то уверенно подошёл и сел напротив него. Даже не глядя, Цзысан Яньшу знал, что это был молодой господин из дома Юнхоу — Е Цзюньчэ.

За ним шёл ещё один человек. Цзысан Яньшу поднял глаза и увидел Цзин Цяня, наследника дома Цзинхоу, лучшего друга Е Цзюньчэ до того, как он отправился на гору Линмин.

Думая, что они пришли сыграть в шахматы, он почувствовал лёгкую радость, но она быстро угасла. Спокойным голосом он сказал:

— Молодой господин только что вернулся в столицу Ли и сразу привёл Цзин Цяня в мою скромную лавку. Гуйсюнь не приготовил ни вина, ни чая, боюсь, что приём будет не на высоте.

Е Цзюньчэ, глядя на только что расставленные шахматы, с улыбкой сказал:

— Яньшу целыми днями сидит в лавке, и его интересуют только шахматы и чай. Поэтому сегодня я пришёл не для того, чтобы играть в шахматы, а чтобы вывести тебя погулять по столице Ли.

— Неинтересно, — Цзысан Яньшу даже не задумался, отказываясь. — Я живу в столице Ли уже триста лет, так что давно потерял к ней всякий интерес.

<http://bllate.org/book/15101/1334292>